

УДК 101.1

DOI 10.15372/PS20250106

EDN WCUTJD

**Ю.В. Зенина****ВРЕМЯ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ  
СМЫСЛОВ В НАРРАТИВЕ<sup>1</sup>**

Статья посвящена анализу и конкретизации понимания времени, временности, темпоральности в нарративных исследованиях и в самих нарративах. Временной порядок, несмотря на содержательное разнообразие, методологическую многоплановость нарративных исследований, признается основополагающим критерием нарратива. С одной стороны, время специфицирует нарратив и позволяет его дифференцировать от других видов дискурса; с другой стороны, оно выполняет реферативную (коммуникативную) и оценочную функции. В противовес европоцентричному и логоцентричному пониманию времени П. Рикёр обосновывает необходимость учета времени хронологического («эпизодического», «часового») и времени нехронологического, так как именно последнее играет определяющую роль в нарративизации опыта прошлого. Результатом такого подхода является деление времени на время событий прошлого, время транслирования нарратива и время, определяемое финальным событием. Усложнение времени происходит также по таким показателям, как частота, длительность и порядок. На примере «поворотных событий» показано, что именно «конфигурация времени» реконтекстуализирует опыт прошлого с точки зрения его последствий, что справедливо как для личностно значимых, так и для коллективных нарративов.

*Ключевые слова:* время; временность; нарратив; темпоральность; П. Рикёр; мимесис; рефигурация

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01698 «История в контексте когнитивных наук».

Iu.V. Zenina

## TIME AS A WAY OF CONSTRUCTING MEANINGS IN NARRATIVE

The paper aims to offer an analysis and specification of time, temporariness and transience within narrative and narrative research. Despite the substantive variety and methodological diversity of narrative research, the temporal order is recognized as its fundamental criterion. On the one hand, time specifies narrative and allows differentiating narrative from other types of discourse; on the other hand, it performs referential (communicative) and evaluative functions. In contrast to the Eurocentric and logocentric understanding of time, P. Ricoeur justifies the need to consider chronological (“episodic”, “hourly”) and non-chronological times, since it is the latter that plays a crucial role in the narration of the experience of the past. The result of this approach is the division of time: the time of past events, the time of narrative telling, and the time defined by the final event. The complication of time also occurs in terms of frequency, duration and order. The example of the analysis of “turning events” shows that it is the “configuration of time” that recontextualizes the experience of the past in terms of its consequences, which is true for both personally significant and collective narratives.

*Keywords:* time; temporariness; narrative; transience; P. Ricoeur; mimesis; refiguration

Вопросы, связанные с пониманием времени, с его всепроникаемостью, вездесущностью, традиционно присутствовали в поле внимания исследователей, в том числе философов [25]. Достаточно вспомнить апории Зенона и проблематику времени в работах Платона и Аристотеля, а также взаимосвязь идей-концептов философии Древней Греции – «природа», «начало», «гармония», «космос» – и представлений о времени. В эпоху Средневековья время понимается в двух планах: как время божественного творения и как время индивидуальной души человека, время вечности и конечного существования. Наряду с таким пониманием времени, формируется личностно значимое понимание времени, в рамках которого в Новое время в трудах Р. Декарта оно приобретает самостоятельную характеристику – длительность. В последующем вариативность понимания вре-

мени проявляется в представлениях об абсолютном и относительном времени, времени вечности и конечном времени, имманентном и трансцендентном, интуитивном и контринтуитивном, а также в противопоставлении психологического времени А. Бергсона историческому времени в работах В. Дильтея, феноменологического времени Э. Гуссерля герменевтическому времени Х.Г. Гадамера.

Если философское осмысление времени традиционно находилось в центре философских исканий, то нарратив, скорее наоборот, занимал маргинальное положение [12]. В XX веке во многом благодаря работам П. Рикёра эти темы были соединены в стремлении дать ответ на вопрос о том, что есть человек.

В настоящее время нарратив представлен во всех без исключения областях социально-гуманитарного познания, нарративный подход является одной из главных методологических стратегий, а нарративные исследования претендуют на статус междисциплинарных [19], вбирая в себя результаты, полученные в антропологии, педагогике, психологии, социологии, философии, этнографии и других областях. Более того, нарративные исследования активно развиваются в области искусства, преимущественно визуального: в живописи [4], фотографии [3], дизайне [5]. Различные виды искусства включают в себя нарративы и демонстрируют рост нарративного самосознания [19].

Многие авторы оперируют устойчивым словосочетанием «нарративный поворот», подчеркивая, что нарративные исследования институционализировались и не являются случайными [16]. Нарратив стали изучать как таковой, в отличие от изучения отдельных нарративов, как это было до 80-х годов прошлого века [16, р. 377–378]. Несмотря на то что многие вопросы остаются дискуссионными, после «нарративного поворота» активно разрабатываются онтологические и эпистемологические основания нарратива, его этические и эстетические аспекты [11; 15]. Некоторые авторы (А. Либлих, Р. Тувал-Машиях, Т. Зильбер) предпочитают называть «нарративный поворот» «нарративной революцией», подчеркивая тем самым тот факт, что позитивистская парадигма утратила свое доминирующее положение в социально-гуманитарных дисциплинах [18].

Расширяющаяся область нарративных исследований перестала быть областью литературоведения и в «лихорадочном темпе» проникает почти во все сферы, не вписываясь в границы какой-либо одной

научной области [23, р. 426–427]. У сторонников идеи необходимости изучения нарратива скорость его распространения и вариативность вызывают справедливые опасения [1]. Так, непроясненными остаются существенные различия эпистемологических, идеологических и онтологических обязательств исследователей нарративов, а также их реальные различия с теми, кто не идентифицирует себя как нарративистов [9]. Наряду с этим усиливаются методологические проблемы из-за отсутствия апробированных, образцовых, «модельных исследований». Они в принципе не могут появиться с учетом того разнообразия, которое представлено в ответах на вопрос, что есть нарратив.

Один из вопросов, который, с одной стороны, важен для нарративных исследований, а с другой стороны, не прояснен до настоящего времени, – это вопрос о том, сколько нарративов в жизни каждого человека: один или несколько.

Согласно одной точке зрения, жизнь следует рассматривать как единый, внутренне взаимосвязанный, событийно выстроенный, целостный нарратив. Усиление этой позиции проявляется в том, что преимущественно (или исключительно) нарратив формирует единство и идентичность. И если у человека не получается выстроить единый нарратив своей жизни, то он не в состоянии сформировать свою идентичность, которая «рассыпается» по разным векторам. «История жизни – это личный миф, над которым человек начинает работать в позднем подростковом и юношеском возрасте, чтобы обеспечить свою жизнь единством или целью» [21, р. 150]. Сторонники противоположной точки зрения отрицают даже саму возможность единого, объединяющего нарратива. «Рассказчик не является унитарным “я”, которое создает целостный смысл его жизни. Вместо этого истории, которые люди сообщают о себе, рассказывают о многих “я”, и каждая из них находится в определенном контексте и работает стратегически, чтобы противостоять этому контексту» [24, р. 116].

Вопрос о количестве нарративов, является одним из принципиально важных в нарративных исследованиях, так как ответ на него определяет последующие ответы на вопросы о влиянии контекста, о роли слушателя, читателя, зрителя, о степени социального контроля и многие другие.

Невозможность решения проблем нарративных исследований обусловлена также разнообразие вариантов понимания нарратива и критериев отнесения того или иного текста к нарративу.

Работа У. Лабова и Дж. Валецки, опубликованная в 1967 г., стала образцом для изучения нарративов и развития нарративных исследований [17]. Анализ работ этих авторов достаточно подробно представлен в русскоязычной литературе, поэтому ограничимся кратким перечислением выделенных ими составляющих нарратива: это аннотация, направленность (конкретизация) кульминация, оценка, результат и кода. Аннотация – краткое изложение того, о чем пойдет речь; направленность – конкретизация места, времени, участников; кульминация – включение в нарратив неожиданного, осложняющего действия; оценка – определение значимости для рассказчика; результат – чем заканчивается; кода – своеобразный итог, который формулируется исходя из настоящего. Последнее – это связующий элемент, который возвращает нарратив в настоящее.

У. Лабов и Дж. Валецки многократно подчеркивают важность временной последовательности в нарративе и привязывают ее к последовательности предложений в рамках повествовательного дискурса. Такой подход не учитывает различные варианты временных сдвигов (флешбэки, флешфорварды), особенно в прерывающемся нарративе. Как справедливо отмечает Н. Гудмен, нарратив включает в себя совокупность способов построения и представления последовательного, диахронического порядка человеческих событий, из которых последовательность предложений в устных или письменных «историях» является лишь одним из многих приемов [13].

Модель У. Лабова и Дж. Валецки, несмотря на ее парадигмальность, практически сразу подверглась критике. И здесь важно отметить, что во многом благодаря ей произошли изменения в понимании сущности нарратива. Начался переход от изучения нарратива как отдельных, полных самодостаточных текстов к изучению нарратива во взаимодействии, в процессе и к изучению нарративных практик [14]. В рамках этого формирующегося понимания «упор делается на повествовательную деятельность как процесс осмысления, в котором свободные концы связаны вместе в одну сюжетную линию, а не как конечный продукт» [20, p. 15].

Еще в одной классической работе по нарративным исследованиям – в статье «Нарративное конструирование реальности» («The Narra-

tive Construction of Reality») Дж. Брунера – выделено 10 признаков-условий нарратива: нарративная диахрония; конкретизация; преднамеренное положение дел или состояние; герменевтическая композиционность; каноничность; нарушение обычного порядка дел; референциальность; универсальность; нормативность; контекстуальность [7]. Первая характеристика – нарративная диахрония – указывает на то, что время нарратива является «человеческим временем», а не абстрактным или «часовым» временем. «Оно неустранимо продолжительно». Время нарратива – это время, значение которого определяется смыслом, придаваемым событиями в нем [7, р. 6]. Одной из функций нарратива, которая не вызывает сомнения, являются осмысление прошлого, значимых событий и переживание их в постоянно изменяющемся настоящем. Последовательное временное упорядочивание значимого опыта прошлого – это не просто что-то привычное и повторяющееся, это то, что делает человека человеком. Как утверждает П. Рикёр, «время становится человеческим в той мере, в какой оно артикулируется нарративным способом, и, наоборот, повествование значимо в той мере, в какой оно очерчивает особенности временного опыта» [6, с. 13].

Различия в понимании нарратива ставят вопрос о том, что же является его бесспорным признаком, который признавался бы в реалистских, модернистских, постмодернистских течениях, а также при рассмотрении нарратива в контексте конструктивизма, структурализма, герменевтического, феноменологического подходов. Таким признаком является время. Повышенное внимание к временному анализу нарратива во многом обусловлено исследованиями П. Рикёра, который в какой-то степени олицетворяет «повествовательный поворот». И этому послужил не только его фундаментальный труд «Время и рассказ» (1983–1988)<sup>2</sup>, определивший курс нарративных исследований начиная с середины 1980-х годов, но и статья «Нарративное время» [22], а также работы «Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике» (1969), «Живая метафора» (1975), «Память, история, забвение» (2000). И хотя обобщающее понимание времени пред-

---

<sup>2</sup> На русский язык название труда П. Рикёра «Temps et récit» переведено как «Время и рассказ». Учитывая уже сложившуюся традицию нарративных исследований на русском языке, а также англоязычное название «Time and Narrative» и сам перевод, который признан аутентичным [20, р. 9–10], в статье мы используем слова «нарратив», «повествование».

ставлено П. Рикёром в третьем томе «Времени и рассказа», многие содержательно важные моменты частично раскрываются в предыдущих томах и последующих работах.

Как было отмечено выше, уже в рамках нарратологии время позиционируется как необходимый элемент нарратива. Основанием для этого служит усложненный изначальный структуралистский подход к нарративу, исключающий субъекта, создающего и пересоздающего смыслы. В отличие от этого, П. Рикёр будет рассматривать время в рамках герменевтико-феноменологической традиции, что позволит ему зафиксировать несоответствие и даже противоречие между объективным временем (вульгарным, монументальным) и тем, которое переживают люди, т.е. между космологическим временем и феноменологическим (человеческим). Примирить эти позиции становится возможным благодаря реконфигурации времени и, соответственно, созданию исторического времени (в понимании П. Рикёра), которое выполняет роль посредника между космологическим временем и феноменологическим.

В работе «Время и рассказ» П. Рикёр проходит путь скрупулезного исследования нарратива, начиная с философии, продолжая литературоведением и заканчивая историографией [10]. Ключевым является опыт временности, которая не соответствует линейному времени, а значит, выстроенной последовательности начала – середины – конца. Повествование движется «в обратном направлении – от конца к началу и вперед от начала к концу. Время может быть круговым, память работает в обратном направлении, и события потенциально могут вести в разных направлениях. В дополнение к этому существует “конфигурационный” аспект темпоральности, который “сцепляет” разнородные элементы» [15, р. 28–29].

Тема взаимоопределяемости времени и нарратива постепенно выстраивается в каждом томе труда П. Рикёра. В первом она раскрывается преимущественно как разница между номологическими и нарративистскими теориями. Во втором томе эта тема анализируется через сравнение исторических и структурных интерпретаций вымышленного повествования при воспоминании о прошлом. В третьем томе она рассматривается через сопоставление прожитого времени и времени космического, истории и смысла, мира текста и мира читателя, через соотнесенность прошлого и будущего, представленных в настоящем.

Чтобы раскрыть взаимосоотнесенность жизни, повествования и действия, П. Рикёр разрабатывает трехчастную модель (тройственный мимесис, трехчастный мимесис). Эта модель включает в себя предвосхищение, конфигурацию и реконструкцию и становится отправным пунктом в рассмотрении взаимоопределяемости времени и нарратива. Смысловым основанием тройственного (трехчастного) мимесиса служит тезис о том, что между нарративной практикой и временной природой опыта человека существует корреляция, которая носит обязательный и универсальный характер. Таким образом, время утрачивает свое космологическое свойство, становится «человеческим временем» тогда и только тогда, когда оно артикулируется в нарративе. А нарратив конституирует смыслы тогда и только тогда, «когда он становится условием временного существования» [6, с. 65].

Впервые тема мимесиса появилась в трудах античных философов. Платон рассматривает скульптуру, бюст как то, что относится к оригиналу. Но только Аристотель проблематизирует мимесис через вопросы о том, как соотносятся трагедии «Царь Эдип» и «Илиада» с реальностью происходившего. Если для Платона мимесис является просто копией, то для Аристотеля – удвоением. Для Платона мимесис «охватывает» часть целого, но не целое. Аристотель рассматривает трагедию как нечто целостное, которое к тому же воспитывает, образывает, т.е. осуществляется очищение от страстей [2, с. 66–68]. Увы, аутентичный перевод греческого слова *mimesis* на русский язык отсутствует. Наиболее распространенным является его перевод как «подражание», что не исключает и других вариаций: «подражательное воссоздание», «творческое воспроизведение действительности», «отображение» [Там же]. В каком-то смысле оттенки всех этих значений присутствуют в трех мимесисах, которые далее будут рассмотрены подробно.

Мимесис-I (префигурация) – это символическая предопределенность мира, его восприятие в донарративной форме, потому что действие «уже артикулировано в знаках, правилах, нормах: оно изначально *символически опосредовано*» [6, с. 71]. В мимесисе-I уже присутствует концептуальная сеть понятий для действий, и присутствует она до того, как эти действия (события) будут пересказаны. Другими словами, опыт, который получает человек, предопределен лингвистически и семантически. П. Рикёр указывает на то, что «понять повесть



ование – значит понять и язык “делания чего-либо”, и культурную традицию, из которой исходит типология сюжетов, символические структуры, благодаря которым возможно интерпретировать и оценивать действие, временные элементы» [6, с. 71–73]. Все это является условием возможности нарратива, необходимым, но недостаточным.

На уровне мимесиса-I присутствует предварительное понимание дальнейшего действия в целом, т.е. «практическое предпонимание», которое включает в себя способности определять структурные особенности, символические опосредования и временные элементы действия. Это предпонимание и составляет «концептуальную сеть», содержащую цели, мотивы, агентов, поскольку это всегда мимесис действующих существ [6, с. 95]. Об этом же пишет Д. Карр, подчеркивая, что все, что представлено сознанию, уже имеет структуру повествования и любое событие воспринимается как то, что имеет начало, середину, конец и разворачивается во времени [8].

Мимесис-II (конфигурация) – это трансформация преднарративного в повествовательную форму путем построения интриги и появления текста. Другими словами, смысл мимесиса-II заключается в том, что «квазитекст» превращается в текст как таковой. Это происходит в соединении с предыдущими историями, событиями, со всем тем, что было на уровне мимесиса-I. Такое соединение обусловлено «посреднической ролью» интриги в трех смыслах [6, с. 80]. Во-первых, это связывание отдельных событий (мини-событий) с повествованием, что делает его «прослеживаемым» [Там же]. Во-вторых, это синтез, который определяется сюжетом и «*объединяет* такие *разнородные* факторы, как агенты, цели, средства, взаимодействия, обстоятельства, неожиданные результаты и т.д.» [6, с. 81]. В-третьих, это собственные временные характеристики повествования, что «позволяет нам сделать обобщение и назвать интригу *синтезом разнородного*» [Там же]. П. Рикёр подчеркивает, что было бы ошибкой рассматривать построение интриги вне времени, потому что именно нарративное время опосредует «эпизодические и конфигурирующие аспекты» [6, с. 83].

Следовать нарративу – значит продвигаться среди возможных вариантов в ориентации на заключение нарратива, причем оно не подразумевается какими-то предыдущими посылками. Заключение, «финиш» нарратива, его конечная точка определяет повествование как формирующееся целое. П. Рикёр пишет: «Понимать историю –

значит понимать, как и почему следующие друг за другом эпизоды привели к такому завершению, которое отнюдь не предполагалось заранее, но в конечном счете должно быть приемлемым, поскольку оно соответствует собранным вместе эпизодам» [6, с. 82]. Это значит, что временное единство устанавливается на основе временных характеристик нарратива.

Мимесис-III зависит от нарративной практики, в которой происходит присвоение того, что было на уровне мимесиса-II, а мимесис-II, соответственно, оформляет то, что было в неявной форме представлено на предыдущем уровне, т.е. на уровне мимесиса-I. Мимесис-III реализуется как преобразование нашего представления о мире в результате повествования, осуществленного на предыдущем шаге, причем появляется новое творение, а не отражение мира как он есть (был) и не его имитация. На уровне мимесиса-III происходит не только переописание мира, «переконфигурация», но и переоткрытие «я».

Особо подчеркнем, что рефигурация мимесиса-III ориентируется на мир, а не на язык. Это не просто смысл повествования, – это «осуществляемая через посредство смысла его референция, т.е. опыт, который референция вносит в язык, и в конечном счете, мир и его временность, которые она разворачивает перед собой» [6, с. 96]. В результате происходит расширение смыслов существования, которое определяет действие нашей повседневности.

В результате определяющей роли времени, а точнее, благодаря временному преднарративному, артикулированному и смысловому опыту повествование переозначает мир в его временном измерении. Движение трехчастного мимесиса идет от преднарративного временного опыта через его артикуляцию посредством построения интриги и ведет к слиянию горизонтов мира текста и мира читателя, слушателя, зрителя.

Исследование времени и повествования, проведенное П. Рикёром, связано с более общей философско-антропологической проблематикой его трудов, с его стремлением дать ответ на вопрос о возможностях для человека и трудностях, которые ему предстоят, и о необходимости действовать ответственно не только друг перед другом, но и перед собой в совместном существовании в конфигуративном потоке времени.

## Литература

1. Барбашина Э.В. Трансформация «нарратива» в социально-гуманитарном познании // Сибирский философский журнал. 2023. № 21 (2). С. 71–80.
2. Богатов М.А. Бытие мимесиса в мышлении Аристотеля // Вестник развития науки и образования. 2018. № 7. С. 66–74.
3. Демина Д.О. Семейный фотоальбом как визуальный нарратив // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2024. № 7. С. 55–71.
4. Злыднева Н.В. Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения. М.: Индрик, 2013. 360 с.
5. Лола Г.Н. Нарративный кокон произведения искусства // Труды СПбГИК. 2012. Т. 192: Искусство в XXI веке. С. 106–110.
6. Рикёр П. Время и рассказ. М., СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. 313 с.
7. Bruner J. The narrative construction of reality // Critical Inquiry. 1991. Vol. 18, No. 1. P. 1–21.
8. Carr D. Narrative and the real world: an argument for community // History and Theory. 1986. Vol. 25, No. 2. P. 117–131.
9. Clandinin D.J., Rosiek J. Mapping a landscape of narrative inquiry: Borderland spaces and tensions // Handbook of Narrative Inquiry: Mapping a Methodology / Ed. by D.J. Clandinin. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2006. P. 35–75.
10. Dowling W.C. Ricoeur on Time and Narrative: An Introduction to *Temps et Récit*. University of Notre Dame Press, 2011. 136 p.
11. Fludernik M. Histories of Narrative Theory (II): From Structuralism to the Present // A Companion to Narrative Theory / Ed. by J. Phelan, P.J. Rabinowitz. Oxford, UK: Blackwell, 2005. P. 36–59.
12. Gare A. Narratives and culture: The primordial role of stories in human self-creation // Telos, 2002. No. 122. P. 80–100.
13. Goodman N. Twisted tales; or, Story, study, and symphony // Critical Inquiry. 1980. Vol. 7, No. 1. P. 103–119.
14. Gubrium J.F., Holstein J.A. Narrative ethnography // Handbook of Emergent Methods / Ed. by S. Hesse-Biber, P. Leavy. N.Y.: Guilford Press, 2007. P. 241–264.
15. Hyvärinen M. Toward a theory of counter-narratives: Narrative contestation, cultural canonicity, and tellability // Routledge Handbook of Counter-narratives / Ed. by K. Lueg, M. Wolff Lundholt. London: Routledge, 2020. P. 17–29.
16. Kreiswirth M. Narrative turn in the humanities // Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / Ed. by D. Herman, J. Manfred, M.L. Ryan. London; New York: Routledge, 2005. P. 377–382.
17. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis // Essays on the Verbal and Visual Arts / Ed. by J. Helm. Seattle: University of Washington Press, 1967. P. 12–44.
18. Lieblich A., Tuval-Mashiach R., Zilber T. Narrative Research: Reading, Analysis, and Interpretation. Newbury Park, CA: Sage, 1998. 187 p.
19. Meretoja H. The Narrative Turn in Fiction and Theory: The Crisis and Return of Storytelling from Robbe-Grillet to Tournier. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 282 p.
20. Ochs E., Capps L. Living Narrative: Creating Lives in Everyday Storytelling. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001. 368 p.

21. *Polkinghorne D.E.* Narrative Knowing and the Human Sciences / Ed. by L. Langsdorf. Albany: State University of New York Press, 1988. 232 p.
22. *Ricoeur P.* Narrative time // On Narrative / Ed. by W.J.T. Mitchell. Chicago: The University of Chicago Press, 1981. P. 165–186.
23. *Riessman C.K., Speedy J.* Narrative inquiry in social work, counseling and psychotherapy: A critical review // Handbook of Narrative Inquiry: Mapping a Methodology / Ed. by D.J. Clandinin. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2006. P. 426–456.
24. *Squire C.* Narrative genres // Qualitative Research Practice / Ed. by C. Seale, G. Gobo, J.F. Gubrium, D. Silverman. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 2004.
25. *Wood D.* On Paul Ricoeur: Narrative and Interpretation. London: Routledge, 1991. 224 p.

## References

1. *Barbashina, E.V.* (2023). Transformatsiya “narrativa” v sotsialno-gumanitarnom poznanii [Transformation of “narrative” in socio-humanitarian cognition]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy], 21 (2), 71–80.
2. *Bogatov, M.A.* (2018). Bytie mimesisa v myshlenii Aristotelya [The “mimesis” in Aristotle’s thinking]. *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education Development], 7, 66–74.
3. *Demina, D.O.* (2024). Semeynyy fotoalbum kak vizualnyy narrativ [Family photo album as a visual narrative]. *Vestnik RGGU. Ser.: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya* [Bulletin of the Russian State University of Humanities. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies], 7, 55–71.
4. *Zlydneva, N.V.* (2013). Vizualnyy narrativ: opyt mifopoeticheskogo prochteniya [Visual Narrative: An Experience of Mythopoeic Reading]. Moscow, Indrik Publ., 360.
5. *Lola, G.N.* (2012). Narrativnyy kokon proizvedeniya iskusstva [Narrative cocoon of a work of art]. *Trudy SPbGIK. T. 192: Iskusstvo v XXI veke* [Proceedings of St. Petersburg Institute of Culture. Vol. 192: Art in the 21st Century], 106–110.
6. *Ricoeur, P.* (1998). *Vremya i rasskaz* [Time and Narrative], Vol. 1. Moscow & St. Petersburg, Universitetskaya Kniga Publ., 313. (In Russ.).
7. *Bruner, J.* (1991). The narrative construction of reality. *Critical Inquiry*, Vol. 18, No. 1, 1–21.
8. *Carr, D.* (1986). Narrative and the real world: an argument for community. *History and Theory*, Vol. 25, No. 2, 117–131.
9. *Clandinin, D.J. & J. Rosiek.* (2006). Mapping a landscape of narrative inquiry: Borderland spaces and tensions. In: D.J. Clandinin (Ed.). *Handbook of Narrative Inquiry: Mapping a Methodology*. Thousand Oaks, CA, Sage Publications, 35–75.
10. *Dowling, W.C.* (2011). Ricoeur on Time and Narrative: An Introduction to *Temps et Récit*. University of Notre Dame Press, 136.
11. *Fludernik, M.* (2005). Histories of narrative theory (II): From structuralism to the present. In: J. Phelan & P.J. Rabinowitz (Eds.). *A Companion to Narrative Theory*. Oxford, UK, Blackwell, 36–59.
12. *Gare, A.* (2002). Narratives and culture: The primordial role of stories in human self-creation. *Telos*, 122, 80–100.
13. *Goodman, N.* (1980). Twisted tales; or, Story, study, and symphony. *Critical Inquiry*, Vol. 7, No. 1, 103–119.

14. *Gubrium, J.F. & J.A. Holstein.* (2007). Narrative ethnography. In: S. Hesse-Biber & P. Leavy (Eds.). *Handbook of Emergent Methods*. New York, Guilford Press, 241–264.
15. *Hyvärinen, M.* (2020). Toward a theory of counter-narratives: Narrative contestation, cultural canonicity, and tellability. In: K. Lueg & M. Wolff Lundholt (Eds.). *Routledge Handbook of Counter-narratives*. London, Routledge, 17–29.
16. *Kreiswirth, M.* (2005). Narrative turn in the humanities. In: D. Herman, J. Manfred & M.-L. Ryan (Eds.). *Routledge Encyclopedia of Narrative Theory*. London & New York, Routledge, 377–382.
17. *Labov, W. & J. Waletzky.* (1967). Narrative analysis. In: J. Helm (Ed.). *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle, University of Washington Press, 12–44.
18. *Lieblich, A., R. Tuval-Mashiach & T. Zilber.* (1998). *Narrative Research: Reading, Analysis, and Interpretation*. Newbury Park, CA, Sage, 187.
19. *Meretoja, H.* (2014). *The Narrative Turn in Fiction and Theory: The Crisis and Return of Storytelling from Robbe-Grillet to Tourmier*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 282.
20. *Ochs, E. & L. Capps.* (2001). *Living Narrative: Creating Lives in Everyday Storytelling*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 368.
21. *Polkinghorne, D.E.; L. Langsdorf* (Ed.). (1988). *Narrative Knowing and the Human Sciences*. Albany, State University of New York Press, 232.
22. *Ricoeur, P.* (1981). Narrative Time. In: W.J.T. Mitchell (Ed.). *On Narrative*. Chicago, The University of Chicago Press, 165–186.
23. *Riessman, C.K. & J. Speedy.* (2006). Narrative inquiry in social work, counseling and psychotherapy: A critical review. In: D.J. Clandinin (Ed.). *Handbook of Narrative Inquiry: Mapping a Methodology*. Thousand Oaks, CA, Sage Publications, 426–456.
24. *Squire, C.* (2004). Narrative genres. In: C. Seale, G. Gobo, J.F. Gubrium & D. Silverman (Eds.). *Qualitative Research Practice*. London, Thousand Oaks, New Delhi, Sage.
25. Wood, D. (1991). *On Paul Ricoeur: Narrative and Interpretation*. London, Routledge, 224.

### Информация об авторе

Зенина Юлия Викторовна – Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).  
julia24.zenina@yandex.ru

### Information about the author

Zenina, Iuliia Viktorovna – Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russia).  
julia24.zenina@yandex.ru

Дата поступления 15.12.2024